

Москве воспринимались как обман, иногда еретическая провокация, иногда военная хитрость. Такие тексты обязательно разоблачались. Что касается книг, набранных латиницей, они печатались только для отдаленных от Москвы территорий, в Москву не попадали, не были опасными и, возможно, поэтому игнорировались.

544-е заседание. 28 ноября 2001 г.

Л. К. Гаврюшина

Еще одна русская редакция «Жития Саввы Сербского»*

«Житие Саввы Сербского» в Феодосиевской редакции, проникнув в русскую рукописную традицию в первой трети XVI в., а, возможно, и ранее, заняло особое место в истории древнерусской литературы и со временем стало едва ли не самым известным житием славянского святого на Руси. На сегодняшний день выявлено более 80 русских списков его Пространной редакции, 8 списков Краткой редакции, несколько переработок «Жития», возникших в XVII-XVIII вв., а также извлечений писцов из сербского памятника¹.

Еще одно свидетельство популярности сочинения Феодосия Хиландарца на Руси — текст, находящийся в составе сборника из Научной библиотеки Саратовского государственного университета (собрание Мальцева, № 1235), обнаруженный нами в 1998 г. Рукопись размером 18x32 см — очевидно, конволют конца XVII — 1 половины XVIII в., имеет кожаный переплет с тиснением; сохранность ее в целом удовлетворительная, однако она уже немного растрепана. Сохранились остатки застеежек. В сборнике 302+2 листа, лист 152 утерян. На защитном листе № 1 запись скорописью: «Сия книга нарицаемая Богородице на чудеси следует Семену Чесненкову». Второй защитный лист — одновременно текст рукописи — на него наклеен лист со словом Кирилла Александрийского «О исходе души от тела». Рукопись написана преимущественно мелким полууставом. Это касается и «Жития Саввы Сербского», которое помещено на лл. 35 об. — 42. Водяной знак бумаги в тетрадах с «Житием Саввы» — герб со львом с литерами АО под ним (или без них), который соответствует водяному знаку № 872 альбома «Водяные знаки рукописей России XVII в.» (1682 г.)². Сборник, несомненно, возник в старообрядческой среде, о чем свидетельствует, в первую очередь, характер заставок и инициалов. Специалист по истории старообрядчества Поволжья Е. А. Агеева считает, что поскольку орнамент заставок основан на старопечатных оригиналах, есть основа-

* Полностью с текстом оригинала данная статья опубликована в периодическом издании «Археографически прилози», № 22 (г. Белград). См. также: Л. К. Гаврюшина «Свети Сава — царски син код Доментијана, Теодосија и једној руског књижевника XVII — XVIII века // Медународни славистички центар. Научни састанак слависта у Вукове дане. 29/2. Београд, 200. С. 5-12.

ния говорить о влиянии выговской традиции, — в украшениях ранневыговской книжности также прослеживается старопечатная основа³. По словам Е. А. Агеевой, в период, к которому относится создание сборника, предполагать самостоятельную традицию в пределах Саратовского Поволжья трудно, ибо это был период колонизации и становления старообрядческих общин в этих местах. Вместе с тем известно, что старообрядцы Поволжья находились под влиянием Выга и повсюду разыскивали и приобретали выговские рукописи. Однако существует вероятность того, что рукопись, о которой идет речь, не местного, саратовского происхождения. С полной определенностью можно говорить лишь об ориентации писца на поморские оригиналы.

Заставки рукописи различны по своим особенностям. Более сложный орнамент имеют заставки на л. 201 и 206, более грубого характера — те, что содержатся в части сборника, начинающейся с л. 265 («Слово о милостыне»). Вторая часть рукописи, очевидно, и более поздняя по времени написания. Писцы отмечают здесь сделанные ими выписки из печатных изданий (например, на л. 292 — из книги «Маргарит»).

В составе сборника — слова, повести, жития, сказания о чудесах, выписки из Библии, из различных книг духовного содержания, из Устава. Так, на л. 61 — «Житие Симеона Столпника», «списанное Антонием мнихом»; на л. 113 — «Слово о поклонении и о чести святых икон»; на л. 175 об. — выписки из Книги Юдифь; на л. 34 — из Книги Царств («О Илии жреце и о двух сынех»); на лл. 73 об., 77 об., 81 об. — слова на двенадцатые праздники (Воздвижение, Рождество, Богоявление). «Житию св. Саввы» предшествует выписанная из «Отчника скитского» «Повесть удивительная о диаволе, как прииде к великому Антонию, якобы хотя каятися» (л. 32–35). После «Жития» — «Чудо святого Георгия бывшего прежде мучения...» (л. 42). «Житие» сербского святителя, точнее, извлечение из него, с заголовком «Месяца генваря в 14 день житие и подвизи иже во святых отца нашего Савы архиепископа сербскаго» имеет богато украшенный инициал.

Текст, обнаруженный в саратовском сборнике, представляет интерес во многих отношениях. Следует прежде всего подчеркнуть его принципиальное отличие от известных науке переработок сербского «Жития», например, имеющейся в рукописи ГИМ, собрание Барсова, № 1579⁴, или опубликованной Л. Стояновичем, также из ГИМ, Синодальное, № 146, авторства Филофея Лещинского (обе — XVIII в.)⁵. Для своего рассказа о святом Савве книжник избрал ту часть повествования Феодосия, которая касается описания детства, отрочества и бегства святого на Афон. Вступление опущено, текст начинается со слов: «Сей бе блаженный Сава сын жупана великаго игемана...» и заканчивается рассказом о том, как огорченные и раздосадованные посланники Немани прощаются с юным иноком и возвращаются ни с чем восвояси. Текст Феодосия, за исключением ряда лексических изменений, в основном сохранен дословно, однако несколько весьма существенных с идейно-стилистической точки зрения вставок, принадлежащих перу русского книжника, о которых пойдет речь ниже, свидетельствуют о его желании создать, на основе

рассказа Феодосия, свою художественную версию истории о святом Савве. Наш текст не имеет какой-либо связи и с русской Краткой редакцией памятника. Автор имел перед собой, очевидно, текст Пространной редакции, причем, по всей вероятности, в первом из двух распространенных на Руси ее вариантов⁶. Не вызывает сомнений и то, что книжник пользовался именно русской редакцией «Жития». Следы сербской редакции прослеживаются едва ли не в одном месте (л. 36): «...ко всемогущему Богу за се со слезами...»

В тексте немало ошибок и описок, свидетельствующих по большей части о том, что то или иное слово было неправильно понято. Л. 36 об.: «нась зряста» (вместо «на нь»); «юноша ж в наусь пришед разума святых книгъ» (вместо «вкусь»); л. 37: «и многодивно веселящимся» (вместо «многодневно»); л. 37 об.: «рупан родом» (вместо «русин»); л. 38: «еже за не страсти его» (вместо «еже за ны»); л. 38: «не в мягких красовании» (вместо «красоватися»).

Первая крупная вставка русского книжника помещена после слов «и многодивно веселящимся». Автор вводит здесь отсутствующий у Феодосия диалог Растко с родителями, уговаривающими его вступить в брак. Они предлагают ему, если он не пожелает избрать невести среди свои соотечественниц, найти таковую среди благочестивых девиц царского рода из России, уверяя его, что в выборе им поможет имеющий к ним расположение русский государь. При этом автор как бы переносит действие «Жития» в свою эпоху — во времена Саввы Сербского не могло идти речи о Московском царстве. Уклончивый ответ юноши родителям, ищущим в его предполагаемом браке утешения, заставляет обратиться к нему его слуг, но и он повелевает им умолкнуть, и они покоряются, дабы не разгневать его. «Вельможи и князи и воеводы» настаивают на его браке прежде всего ради интересов престолонаследия («тебе, государь, все земли сербские пасти и царствовать в нас рабех твоих»). Образ Растко как потерянного для Сербии наследника престола, возникающий и в дальнейшем, становится для русского автора художественным ядром повествования.

Следующий отрывок, авторство которого принадлежит русскому книжнику, касается беседы юного Растко и старца-инока, пришедшего со Святой Горы. В его изложении иннок старается подчеркнуть контраст между жизнью в славе и роскоши, к которой привык юноша, и жизнью монашеской, исполненной трудов и лишений и требующей великого смирения (л. 38 — «токмо уготови душу твою... вся скорби имаши терпети»).

Другой крупный отрывок, внесенный книжником в текст «Жития», является как бы кульминацией всего рассказа. В нем описывается горе родителей — в монологах каждого из них, — узнавших о исчезновении сына. Отец сокрушается о утрате наследника престола и духовного наставника; мать, терзаемая неизвестностью, в «отчаянной» надежде увидеть сына женатым, также вспоминает его духовные наставления. В словах отца здесь вновь появляется тема «вдовствующей» Сербской земли (л. 39 — «в себе ж быста, начаша плакати неутешно глаголюще:

О сыне нашъ вожделенный... когда узрю бракъ твой, и жену твою, и плод утробы твоея»). Этот эпизод помещен непосредственно после упоминания о возвращении к Немане слуг, обнаруживших исчезновение Растко на охоте.

Довольно существенны с точки зрения содержания и поэтики текста и менее объемные вставки книжника-старообрядца. Так, к монологу Немани, поручающего воеводе найти и вернуть домой Растко, он присоединяет две строчки, которые заключают в себе ответ слуги своему господину, слуги, желающего подчеркнуть свою верность ему (л. 39 об. — «благим, паче первых паче подателя имеи мя, друже, — рече ж(е) он. — Аще, государь, и главу свою отложю, а верно послужити готовъ есмь, токмо храбрых ветязеи, и коня борзоходца»). Несколько видоизменен, по сравнению с текстом Феодосия, и рассказ о письме, отправленном с воеводой к «епарху Селунския области». Дословно передается написание, сделанное Неманей, а обращение его к областеначальнику выражено прямой речью, что усиливает повелительный тон письма, равно как и фраза, следующая за словами Феодосия «и в любви место сопотивны обрящемся»: «и ити имам на тя и на землю твою» (л. 39 об.). Небольшое, но важное дополнение встречаем при описании встречи воеводы с беглецом Растко в Пантелеймоновом монастыре, где также проявляется склонность автора к изложению с помощью прямой речи. Так, помимо рассказа о страданиях отца и матери, имеющегося у сербского агиографа, встречаем здесь непосредственно обращенные к беглецу слова воеводы о страданиях земли Сербской, плачущей как вдова о муже (л. 40 об. — «и плач непременно не токмо отца и матери... яко вдова мужа вопиет»). Укор, обращенный к Растко, который оставил престарелого отца и землю, где должен был «начальствовать», встречаем и в продолжении беседы воеводы с царским сыном. Со слезами («восплакав тошно»), воевода поясняет ему, насколько безыходным окажется его положение, если он не вернет Растко отцу — он должен будет тогда умереть или окажется сосланным в чужую страну (л. 40 об.). Подчеркивает книжник в словах воеводы и верность его своему господину: «яко верну ми быти ко отцу твоему якоже и тебе, господи мои» (л. 40 об.).

Знакомство с текстом не раз обнаруживает стремление книжника усилить эмоциональность как самого повествования, так и высказывание персонажей (л. 41 об. — «и молвяще болезненные глаголы с горкими слезами»; л. 42 — «они же возстенавше з горкими слезами отидоша»). Любопытно, что взволнованность обращения воеводы к монахам, «спрятавшим» Растко-Савву, передается внезапным переходом от изложения в первом лице множественного числа к личной угрозе: «разорю все житие» (л. 41 об.). Описание скандала в монастыре завершается в нашем тексте словами: «яко быти великому шумению и звуку». Чуть дальше, видоизменяя строение Феодосиевской фразы, русский книжник вставляет в текст гневное, властное обращение Саввы к воеводе, напоминающее его резкий ответ вельможам на их попытку заставить его подчиниться воле родителей: «во странах чюжих каком

смел еси то твори...» (л. 41 об.). Внимательное сопоставление текстов Феодосия, с одной стороны, и нашего книжника, с другой, позволяет выявить и ряд других, менее значительных с точки зрения содержания и стиля, однако довольно любопытных вставок и изменений. В заключение отметим, что русский книжник-старообрядец, использовав значительный и вместе с тем наиболее популярный отрывок из Феодосиевского «Жития Саввы», несколько изменив его композиционно и сделав ряд добавлений, создает своего рода повесть о бегстве святого Саввы на Афон, — законченный рассказ, в основе которого — драматический конфликт между устремлениями царского сына к монашеской жизни и надеждами его отца и матери, родных, слуг и вельмож на его как на «святого в миру», как на опору земного царства и «начальника» земли Сербской. Живостью и эмоциональностью изложения повесть, очевидно, удовлетворяла вкусам читателей XVIII в., в какой-то мере заменяя для них сербское пространное «Житие», с которым они не имели возможности или случая ознакомиться.

ЛИТЕРАТУРА

- ¹ Гаврюшина Л. К. Русская рукописная традиция Жития Саввы Сербского // Советское славяноведение. М., 1984. № 1. С. 68-82.
- ² Водяные знаки рукописей России XVII в.: Альбом (по материалам Отдела рукописей ГИМ) / Составители Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина. Отв. редактор В. И. Буганов. М., 1980.
- ³ Выговское общежитие — известный старообрядческий монастырь на реке Выг в Повенецком уезде Олонецкой губернии. Этот духовный и хозяйственный центр староверов-беспоповцев сложился в конце XVII — начале XVIII вв. См.: Старообрядчество: Лица, события, предметы и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С. 69.
- ⁴ Гаврюшина Л. К. Указ. соч. С. 81.
- ⁵ Стојанович Љ. Стари српски хрисовуљи, акти, биографје... // СКА. Београд, 1980. Споменик III С. 79-81. См. также: Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1970. Ч. 1. С. 37.
- ⁶ Гаврюшина Л. К. Указ. соч. С. 71.

Текст рукописи НБ СГУ*

Месяца генваря в четырнадцатый день Житие и подвизи иже во святых отца нашего Савы архиепископа Сербского.

Сей бе блаженный сава, сын жупана великаго игемана и государя сербскаго, иже самодержавно владычествовавшу, всеми серпскими землями, яже глаголюся, диоклития, далматия, травуня к востоку убо иллирии приближающесе, к западу же римстей области прилежаще. Той убо выше реченный муж, благочестив сын и богобоязлив, нищелюбив, многомужествен же воеводством и сильным воинством сияя, и все-

* Сохранены орфография и пунктуация рукописи. Л. 39 об. — 46.

ми благими на земли в добродейство зело гобзюя, паче же добрыми нравами, беззлобием и правдою, милостию и кротостию украшающесе. Поят же по закону себе жену, именем анну, и сию ничимже остающу благих нрав мужа своего. Родишаже ся има сын и дщери, ихже божественным крещением просветиста и святым книгам, и благим нравом научивше, о господе веселястася. годом же многим минувшим, и неродяще выше реченной и благочестивой анне, заключи бо ю бог, якоже древлелию ияковлю, яже родящу прежде, не родити во время, и сего ради поносима и оскорбляема быва(ше) мужем своим, в скорби же и жалости обема суще о сих, в вожделении бо мнозе бяше душа их яко прижити има // еще чадо. и обнощь ставше на молитве, ко всемогущему богу за се, со слезами глаголаста; Молитва. Владыко господи боже вседержителю, послушавьи древле авраама и сарру, и прочих праведник о чадах молящихся. Услыши и нас грешных днес раб твоих молящихи ся, даждь нам, по твоей благодати, прижити еще чадо мужеск пол, иже будет утешение души нашей, и наследник тобою, нашей державе, и жезл старости нашей, на немже руце возложше почиве. и обещны ти обеты воздаеве, от зачатия отрочате естественныя законныя любве, и постеля отлучивесе. Господь же близ всем призывающим и воистинну, и молитву их послушая, услыша и сих праведник. и се же бысть неизглаголаннх божиих судеб начаток, да якоже житием последи, и в рожестве первее, чюден будет отрок, и естества устава человета дела точию будет, но и всесилнаго бога повеление, побеждающаго естества устав яко хочет. и молитвы плод естеством родися, от бога дан богу наречется еже и бысть. непразне же быти Анне. и приближившимся днем роди мужеск пол, по прошению молитвенному. возрадовашажеся душою велми, и прославиша бога, непрезревшаго моление их. по мале времени, породиша его, второе водою и духом, божественным крещением просветивше, и нарекоша имя ему растко, убо и зело о господе добре возрасте, укреплюжесе отрочате, и даша его учитися святым // книгам. Родителя же его, выше естества безмерную любовь к нему имуща, несытною душою присно нас зряста, но и паты и стратилаты и тысящницы, и вси велможы их с ними глаголаху, яко сей хочет быти изящнейшии в братии своей, бе бо отроча благообразно и весело душою, и во учении преспевая, и разумом в детском возрасте удивлен яко всем глаголати ново некое знамение отроча се будет, возраста же дошед лет пятнадцати, и отделиша ему родителя его страну етеру державы своя, отходити ему на поглумление с велможами, и со благородными юношами веселитися. юноша же в наус пришед, разума святых книг паче частее сих почитающе, и отсюду убо зачало премудрости приим божий страх, и совосприимаше божественныя любве днь от дне, огонь ко огню прилагая желанием несытным. царство и богатство славу же и светлость, и всяко благоденствие, многмятежно, и непостоятелно разсуждаше, доброте зримых и жития обилие, яко сень вменяше, многпищие и веселие, и вся елика человеческая на земли суетна и несущая разумев. деснаго пути емлется, поучением святых книг упражняется, в церковь по вся служны не

ленится стояти пощение люба зело. сугаго празднословия и смеха безгоднаго избегаает. сквернословесных же и вредных песней юношескаго желаня, ослабляющих душу до конца ненавидя благ кроток всем уветлив, нищелюбив, иноческий чин излиха почитая, яко и самема продителема его // зазретися и устыдетися, таковаго опасения и устава благонаравна видяще в юнне возрасте и не яко от них рожденна, яко по истинне от бога данна непщеваху. лету же семнадцатому пришедшу возраста его. Родителя его поучастася браку законному причитати отрока. молитвою же даннии божественнии юноша, присно желаше како и коим ухищрением, мира избежати, и от всех к богу упразднитися. слышал бо бе о святей горе афонстей, и о постящихся в ней и о прочих местех пустынных, прихождаху бо ко котцу его отвсюду приимати требования им. другойцы же и сам посылаше во всятая места на раздание преподобно живущим. бе бо муж, благ милуя милуя и дая. бог готов к молитве и желанию раб своих, и сему совершая изволение, подвизает его приити к родителема, от страны данния ему и при яту вывшу с великою любовию, и со благородными его с ним. Пришедшим им безмерной же радости и веселию и пиру велику сотворшему, о пришествии возлюбленнаго сына, к родителема, и много давно веселящимся. и начала родители отрока молити его, глаголя о возлюбленное наше и вожделенное чадо и сыне, прими совет наш еже ти просима родителя твоя. он же рчыта господия моя кого имам послушати аще не ваю; они же рекоша время ти чадо браку сочетатися и жену пояти, дондеже очи наши зряста тебе да увидим веселие наше и тако почием. где невесту избрати благородию твоему, аще хочещи. восхоцещи ли во своем государстве то изберем по разуму твоему, аще ли ни то во иных государствах, паче же, великаго властодержства и во всех честнейшаго и сильнейшаго царства московскаго, много слышах яко от царских родов девицы тамо цветут благочестием, и мы тако государя умолим яко любит нас и даст тебе в жену от своих родов. т и отвещав отрок, возлюбленная моя родителя дадите ми еще тако пребыти, не прииде ми время еже браку сочетатися; тогда и вси велможи и князи и воеводы и стратилаты, моляху его глаголюще великий государь наш подобает послушати ти государи наша родителя твоя, и брак незамедлити, дондеже древо ботеет и цветет тогда и ветвие бывает, а тебе государь вси земли сербския пасти и царствовати в нас рабех твоих. он же отвещав вам рече подобает о сем молчати, они же уколкоша, да разгневают его. и много беседующим им. и се яко богом подвигнуты суще. Придоша етери иноцы, от святыя горы афонския, ко отцу его прияти требуемая им, и нищете поможение. случижесе един от них рупан родом. сего же особ(ь) скрыв блаженнии юноша, о всем испыташе. яже о святей горе. Прежде утвердив извещением не поведати тайну его никомуже. он же сказа ему вся, по чину пустынному. како в монастыре обще пребывают, и особно по двема или по три купнодушно, и отходну уединением, в пощении молчаливо живущих, о всех сказав ему изущне. бе бо той чернец не прост, но искусен к сказанию. Реку же богом послан бе. Юноша же слышав яже о житии иноческом, и к

богу попечение, и добраго их упражнения. Рекою слезы, яко источника изливахуся от очию его, позде неколи отдыхав, глагола к старцу, вижду отче яко // бог проведый вся, и видев болезнь сердца моего, посла твою святость, утешити мене грешнаго. ныне утешися сердце мое, и душа моя возвеселися, радостию неизглаголанною. ныне разумех чесому желанник бывах непременно, блажени и треблажени, таковому беспечалному, и немятежному ==сподобльшеся житию. что же аз сотворю отче, како возмогу убежати, многомятежнаго мира сего жития, и таковыя жизни ангельския сподобитися, еда како родители мои восходят браку причитати мя, и любоплотием удержан недостигну такового жития. и ни един день хотел бых, посем zde пребыти, да некако любосластие мира сего, ко мне коснувшеся, и нехотящу ми, отвлечетдушу мою. таковыя любве, ангельскаго жития. якоже учиши отче. хотел бых бежати, и пути не вем. еда како блудящу ми на мнозе постиг отец мой, яко мощну ему сущу и возвратит мя. и в скорбь отца вложю, и себе в студ мног. и по сих неуправлен буду таковому рачению, восприим же старец слово глагола ему. желанная есть любви родител(ь). О доблии союз естества нерешима. и милостивно братне единство и вкупе хождение, но убо владыко и сих удоб(ь) преобидети повелевает, и крест взяти на раму, и тому увердно поледовати. и вся удоб(ь) страдати, еже зане страсти его должны подобитися. не в мягких красовании, не телесныи искати покой. паче наготе и алчбе, бдению и молитве прилежати. умилению и плачу с воздыханием, и сердца сокрушением внимати сия бо боголюбивым душам, удоболюбезн некий путь на добродетел(ь) ведый предлагается и сия вменияют славу истинну, и честь известну. токмо уготови душу твою в терпение, тако яко ныне хочещи, царь быти земный, а у нас будещи у некоего отца под (на)чалом, ныне в багрянице и венец на главе твоей, а тамо свита черна худа. ныне служат ти князи и тысящницы земнии, а тамо своима руками мотыгою начнеши землю копати, и вся скорби имаши терпети. Паки юноша слыша сия. и яко земля доброплодна, приемлющи семена в сердца своем, словеса старца, рыдание к рыданию прилагает, дивитжеся старец, теплой его к богу любве и огню // божественному, разжегшему тако душу его. внимаше же и словесем его, исполнь сущу, целомудрия и умиления, глаголет к нему вижду о чадо, во глублину божия любве зашедшу душу твою. но поспеши совершити, доброе твое желание, а не яко злых сеятел(ь), плевел посеет в сердце твое, и укрьвсь возрастет, покрывает пшеницу твою, благую мысль. и такового тцания пременишися, и любоплотием и любострастием, якоже глаголал еси удержан, ничесоже успеши. пороку паче и укоризне сей, иже во (ева)нгелии поносимым, предлежа будещи. иже прикупления ради села, и супруг воловных, и новобрачения жены поятием, сладкия вечера и безсмертныя пищи отреношася, и недостойны избраннаго звания, и веселия небеснаго царя христа, вправду нарекошся. аз же таковому делу, слуга ти буду, и о госпode провожду до святыя горы, идеже желаеша дойти, точию даждь конь мне носяй мя и тебе борзоходца, яко да возможем убежати от отца твоего. и яко сия слышав от старца

и тако к воли его скоро приложившася, и рече, благодарю тя, господи, яко увери сердце мое, странным сим, и к старцу рече. благословен от бога ты отче, яко укрепиши ми душу к пути христову. Радости же великия, от сих исполнь быв, и нимало отложь, к родителема входит, украдая отпущение, просит по обычаю молитву, и благословение глаголя, господие мои, слышах во оной горе имя прилож поведаше убо ми звери, аще обрет милость, благословен вами, и отпушен буду ловити, и аще укосним, не прогневаню будем повинни, иде убо многи елени слышах, да тамо утешюся со благородными моими. отец же его угодити ему творяся, господь с тобою глаголя чадо, и да благословит тя, и исправит путь твой, и мати его яко матери обычай, объеми и целовавше любезно отпустиша с миром и мнози князи с ними и воеводы силныя и вся пристроенная к ловлению. и заповедавше скоро возвратитися, но убо сего не ведуще, яко не елена хочет уловити, но источника животного христа яко напоити уеленную душу мою, запалившуся огнем, желанным любве его на уверение родителем посылает в гору ловящих на се уготованному яко согнати звери, сам рек под горою, да утре ж и вас ожидаю. и нощи су / /щи иже с ним благородным веселящимся, и уснувшим со своими малыми хранящими тайну его. предводящаго их бога, со иноком имущи, бегом бежаша кони же их и зело борзоходцы, и гнаша елико могоша вскочити, дню же отсвешу, благороднии они, взыскаша господина своего. и се не бе где видети ни обрести глаголаху, еда поглумляяся нам, ко отцу возвратися, поискавше же много со тщанием и не обретоша, обозреша же мниха иже бе м с ним, и прочих слуг его и ни сих обретоша, глаголаху, что же от нас ужас сей, камо ся дел господин наш, и скорбию недоумеваеми, ловитву оставлше скоро возвратишася к самодержцу отцу его, поведаше ему безвестие сына его. родителя же слышавше ненадеянно, и неудобь приятное слышание, таково по сыне своем оскрепевше падоша. мало смерти не вкусиста, в себе же быста, начаша плакати неутешно глаголюще о сыне наш вожделенныи, что сотворил еси нам родителем твоим отец плача глаголаше, ныне печал(ь) познаъ на кого возрю или с ким побеседую, кто мя поучит от писания кто мя накажет страх божию имети. кого ныне благословлю на великое сие государство о люте мне сыне мой что сотворил еси ни все царство мое стоит единой твоей мудрости. умру чадо и жити не хочу вдовствует сербская земля и плачется началника своего, мати же его стонущи и вопияше о прекрасное мое воздоенное чадо услыши глас матери твоя что сотворил мне на старость почто аз тя породила и толико болела свете очию моею, кто мя накажет ты мое возлюбленное чадо наказуя мне глагола, возлюбленная моя мати, не радуйся о власти царствия земнаго, ни о богатстве ни о славе, непостоянна бо есть, все мимоидет вся исчезнут. токмо радуйся о господе яко во истине ходиши и правду в вере храниши. о сладкий глас твой и мне любезный, где еси ныне да шед тамо умру кое место держит таковое сокровище о бедная мати лишивая твоего сладкаго видения. когда узрю брак твой и жену твою, и плод утробы твоя. Разумевше же яко не ин кто, но рукин он чер-

нец, отвел есть во святую гору знаху бо от исперва, яко тамо тщание его. и абие стекаются благороднии // изливаются множество народа, идем на новослышанную напасть господина своего, и от всех составляется плач и рыдание много и неутешимо. родители сына, братия брата рабы владыку крычимыми гласы призывающе на утешение скорби, и паче впадающе в беду, творяше бо ся уроди. вскоре убо самодержец отец, сострахом от плача переменитися, всем повелевает, благодарив бога на мнозе, глагола к сущим, и к матери отрока. дерзайте неимамы от сицевых оскорблены быти, не погибнет сын мой. бог же его паче надежда дав ми способит мя видити, и насытитися любве его. и абие призвав единого от стратилат своих, глагола к нему, возлюбленный мой и верный слуго, веси чадолюбия болезнь, и огонь присно горяи, и угаснути николиже хотя. о любезне, аще коли от нас благо приял еси, ныне время любовь показати ко мне со тщанием. аще постиг возвратиши сына моего, и сим утешити имаше сердце мое, и матери душу от смерти свободиши, а тебе много, благим, паче первых повинна паче же подателя имея мя друже. рече же он аще государь и главу свою отложю, а верно посужити готов есмь, токмо храбрых ветязей, и коня борзоходца. он же призвав благородных юношей много, и симии надеждами, и сих дерзвы устроив, и на сильная коня всаждь, с ним посылает, гонити же повелевает, и до внутрь святых горы. написав же послание, ко епарху селунския области, сице от самодержца сербских земель, к владеющему суленскими областями. отшедшаго нашего сына во святую гору области вашаея, да возвратиши с моим крепким стратилатом, и от самая святых горы. и аще сими утетиши любимыйи мой сердце мое, многия чести от нас дарованием и любовь примеши вечну. аще ли нерадя будеши о нашем молении веде буди, в любви место сопротивни обрящемся. и ити имам на тя и на землю твоию. Примим же стратилат лист, и со благородными отпущение испросше, на сильная коня вседше, дивно и мощно яко мощи гониша и ничтоже успеха, и приходят во словущий град селунь, в нем же честь бысть воевода прият, вдает епарху лист напи//санный, поведаея скорбь государя своего, прочет же епарх букви. зело оскорбе, бе бо много любовию тщание имым к нему, воеводу убо и с благородными любезно почет, вскоре написав ко проту святых горы глаголя, понеже непроста бывает вещь ныне, яко прилучися, о сицевом взыскании, прошю и молю преподобие твое тепле, и не презри ми молбу сию, аще где пришел есть сын великаго жупана и государя и владыки сербскаго, со всяким поспешением, да возвратится к своему отцу. да не како жалости егоради отец его с нами, любовь в ненависть переменит, и всех нас и многих оскорбит имаше. и тако отпускает воеводу. посла же с ними мужи честно проводити их джо святых горы. вдав им лист написанныи тамо. шведшим же им во святую гору, вопрошаху искомаго, аще zde пришел есть, поведающе юн юности возраст и красоты вид. нецыи же реша им таковыи его же имеще, пред малом вам, вшел есть в русской монастырь, и ту еще ходит. сии же сия слышавше, скорее путь гнавше. да не како слышав от них отбежит. се же к проту путь оставлше, в русский мона-

стырь внидоша, и обретше, его в монастыри ходяща еще власы не остригша, и мягкая носяща, борзо бо гоняще и приспевше. тако бо гнавше, яко аще неискусен ристанию, то смерть бы воспретила но и они храбрии витязи зело утруждьшеся еле могуще ходити. обретше же божественнаго юношу, возрадовашася радостию великою, вшедше же вси в церковь святаго пантелеймона поклонишася, и приемлюще любезно со слезами целоваху его, яко от радости забыти им, толико разстоянием места, и толиких дней и ношей трудная течения, занеже желаемаго получиша, великих даров и почести от родителю его, яко угодивше им, уповаху прияти, помышляху же узы на нь возложити, и бояхуся яко господина своего и государя. нарядивше чины стрежаху и яко мощно даже конем и самем почившим от труда, с ним пойдут. дивит же ся юноша отцу своему, яко тол(ь) высока и честна мужа утрудити, со юными благородными. и стыдится на лице мужа возрети, яко его, // ради, в чужую страну много труждашася. особ(ь) же отвед вопрошает како толико скоротечение сотвористе, и толико отстояния места, и толика труда путь не обленитесь. он же поведает ему зеленое раскаяние сердца и стонание родителя, и плачь непременно не токмо отца и матери но и вси твои князи и паты и воеводы и тосящницы с воплем, вся земля твоя яко вдова мужа вопиет. поведает же ему и писание, от отца его о нем принесено ко епарху. и от епарха ко проту и мужи рече посланы яко податисесь нам ко господину отцу твоему возвратитися. разумев же юноша помысл непременно мужа. глагола к нему аще восхощеши, ты любезный мой, без крамолы оставити мя и господина отца моего, яко мощну ти сушу, вем можещи шед укротити и умолити, и аз восписав к нему переменю и таковаго помысла. точию ты аще братолюбезно сотвори оставиши мене. он же восплавав тощно рече ни господи мой не начинай таковаго моления к мне рабу твоему. иже неудобно. ми есть сотворити. владыко мой отец твой яко верна мя непшуя, на се послал есть, кто есмь аз еже ми то сотворити. к сим же аще во образе иноческом обрели тя быхом господина моего, то изветы моя имел бы яко уже инок. а понеже богу хотящу тако обретохом тя, якоже требуют тя родители твои, и вси велможы наши и братия твоя, яко отец престарел и государство требует тя началствовати. аще ли оставити ты имам, то умрети или сходнику быти в чужая страны. тем же молю тя господи мой, вся такова от ума отлож, пойдй с нами твоими рабы веселяся, да угасиши пламы родителю твоею, ихже сердца запалил еси, твоим странным сошествием. веси сам яко родителема твоима и братии и всем благородным твоим и нам всем надежда и утеха ты еси государю. аще ли не восхощеши с нами поити, то понудити мя имаши увы мне яко нест(ь) ми лзе глаголати. обаче отца твоего боюся. узы возложити на тя и нуждею поведу тя, тако бо заповедь прияхом, яко // верну ми быти ко отцу твоему якоже и тебе господи мой. Видев же юноша неумолимое стратилата, и необоримую веру к своему владыце, и разумев яко по нужде его отведут, и несть кто изимая и от беды боязни ради отца его, инако прехитри. глагола стратилату воля господня да будет, и весел

быв, объе́млет стратилата, уверяяся, яко с ним пойдѣт, а сам призывает бога тайным воздыханием помощника на напасть свою, кознодействует же той дело благочестивно. вкупѣ и преухищренно ибо оковано сердце его в мудрости. яко давид глаголет, и премудрых оных спону ему творящих, разумом святаго духа низложит(и), что есть сей молит игумена, и повелевает светлу уготовати трапезу, яко да со стратилатом и со благородными, утешившеся, утре во своя си пойдут. Поведает же свой разум игумену, и молит и с вечера песнем утрем начати ся, и пиру сотворяему велику, игумену же учрежающую стратилата со благородными. и яко глубоко на вечери закосневшим, повелевает игумен ударити в било, день бо бе неделя, востает игумен и с ним юноша. и входят в церковь на молитву. и востает стратилат и со благородными стояти в церкви. не бо смеяху от очию своею отпустити. пению же продолжену бывшу, и чтению паки на мнозе прочитаему по заповеди. всем убо сидящим, вкупѣ иным юношам стерегущим со стратилатом. путнаго же ради шествия труднаго, и продолжения пира, уснувшим забытно. и яко ощутив их уснувших божественныи юноша бодреное око востает от них, и поклоняется пред святым олтарем воздаѣт обеты своя господеви. благословляется у игумена, поем единого старца почтена саном священничества, и восходит на великии в монастыри столп, и от себе его затворь, благодарив бога. рече, вознесу тя, господи яко под(ъ)ят мя, сотвор(ъ) же молитву, иерей, от(ъ)емлет власы с главы его и в ризу облачит его, ангалскаго образа. растко имя, савою изменив, слезами многими окропив землю, благодарныи и похвалныи гласы к богу вещая, яко желание сердца моего соверши ми рече. яко у//с-тыдися старцу от многаго его плача. и сим тако бывшим, чтению скончавшуся, и всем воставшим, взыскаша стерегущии его и се не бе где видети, и начаша зрети повсюду церкви и монастыря ищуще, и молвяще болезненыи глаголы с горкими слезами, и не обрешающе его. начаша досаждающе глаголати игумену и бити мнихи. воевода же уставив молву, глагола ко игумену и ко мнихом. что сия неправда и безчестие нам от вас отцы святии. мы обоб образа егоже носите стыдящеся, вашу злобу презревше кротцы и человеколюбиви вам быхом. не первее ли от вас пришед дара просити, сей льстивии смерти достойныи. единого указая рече. и дар яко суету преобидев, от отца сына восхитив побеже, отца убо и мать в смертныи плачь, и нас в труд мног вложисте. ныне паки нам пришедшим от рук наших скрысте господина нашего, и единаче своевољством водитеся, что сиче вам мудръствовася, яко поругатися нам, да или вам мнится, всеу мы трудихомся, или не господина нашего ищуще. ныне нестанут главы ваша, разорю все житие, рцыте где скрысте государя нашего. сия же слышавше от стратилата юноши яко свирепству суще готови, начаша люте мнихи бити нещадно, яко быти великеому шумению и звуку. и услыша искомыи, о нем же тяжба бываше, и убояся да не ако злоба убийством скончается. Приник со столпа, призывает стратилата, и яко усшыла глас его, радости многи исполньшеся и вси к столпу приникше, в высоту зряху, аще бы мощно тме уступити, дабы вси видевше утешилися. он

же приим слово глагола к стратилату. многъмудръ сии, и умом юношеским изводишися, полк людей имея с собою, во странах чюжих како смел еси то творити в кая премудрость твоя сниде и со благородными како образа не устыдистеся, бога како не убоястесе тако ли лепо вам на такую чад в церкви, вооружатися, что сии вам зло сотвориша, ищите ли мене се аз zde есмь. но ныне непраз//ден есмь, утре узрите мя сих же оставите. сия же слышавше страхом и стыдом объяти бывше. недоумевахуся что отвещати, и тако умолчаше. облежаху столпню же осветшу паки приник со столпа, призывает стратилата, и всех благородных является всем ангельским чином иноческим украшен. они же возстановше з горкими слезами отидоша иная же иньде вписахом богу нашему слава.

545-е заседание. 5 декабря 2001 г.

О. Б. Хабарова

«Житие Юлиании Лазаревской» в литературе Нового времени (XIXв.)

«Житие Юлиании Лазаревской», созданное Калистратом (Дружинной) Осорьиным в первой трети XVII в., было популярно не только в средневековой рукописной традиции¹, но и в культуре и литературе Нового времени. К тексту этого оригинального древнерусского памятника обращались и в XIX, и в XX вв. Данная статья не претендует на полное изложение проблем интерпретации его в другую эпоху.

В исследовании «Святые Древней Руси» Г.П. Федотов указывает на то, что почитание святой Юлиании растет «в связи с литературным пространением ее жития, популяризированного многими русскими писателями»². Однако ученый не называет, кто эти «многие писатели». Трудно сказать, имел ли он в виду обширную практику переложений «Жития Юлиании Лазаревской» в духе назидательного душеполезного чтения, издаваемых церковью, (эти переложения входили в сборники жизнеописаний российских святых), или отражение жития в настоящей литературе.

Образ муромской праведницы Улиянии Устиновны Осорьиной, живущей по евангельским заповедям в миру, а не в монастыре, творящей добрые дела «ближним и дальним», несет в себе высокую духовность. За свое постничество, молитвенность подвижница терпит насмешки от тетки, сестер и «рабов». Она неизменно кроткая, молчаливая, «невеличаявая». Главная ее черта — доброта. Подобно «прежним святым» Юлиания — «земной ангел». Пережив бесовские искушения, она выходит победительницей в извечном противостоянии добра и зла. На помощь Юлиании приходит Николай Угодник, святой, особо почитаемый русским православным миром. От жизненных невзгод она не унывает, а даже остается «весела», как говорит автор XVII в.

Перед нами — идеальный женский характер, мимо которого не могли пройти писатели второй половины XIX в., обратившись в поисках нравственного идеала к темам, сюжетам и образам древнерусской литературы.